

Веч. Москва - 2000 - 30 июня - С. 5

Страдающая Агата:

«Как человек убивает в себе любовь»

Автор песен альбома «Майн Кайф?» Глеб Самойлов написал их в «честном поиске»

Лиза ВАЙЛЕНДОРФ,
Владимир ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

— Глеб, ты уже обращался к истории Третьего рейха в «Маленьком фрице» и «Позорной звезде». Это было вызовом?

— Я об этом не думал. Я писал от балды.

— А нынешний альбом «Майн кайф?» является в некотором роде продолжением?

— Нынешний альбом является своего рода переходом от юношеского пофигизма к подлинным страданиям.

— Клип на песню «Секрет» наполнен жестокостью и насилием, зрители с богатыми фантазиями могут разглядеть в нем даже оккультную сексуальность.

— Наши песни асексуальны. Секс, война, наркотики — все это аллегория различных состояний души. Некрофил — это же не обязательно человек, который насилует трупы. Это психологический тип. Альбом «Майн Кайф?» описывает процесс превращения человека в кровавое чудовище, а песня «Секрет» — одна из арий этого альбома. Альбома о том, как человек убивает в

себе любовь. Насилие в сексе — одно из проявлений внутренней метаморфозы героя, у которого небо четыре года назад было голубым.

— А теперь оно серое?

— Теперь оно стало кровавым. Станет ли оно снова голубым... этот вопрос задается в конце альбома. Последние три наших альбома являют собой некую серию, они образуют линию жизни, и на их основании можно провести анализ наших исканий.

— «Позорная звезда» местами как будто обращается к советским фильмам о войне...

— А откуда еще было черпать познания о Третьем рейхе? Из «Семнадцати мгновений весны», например. Там все персонажи очень милые, я бы даже сказал, сентиментальные. А Борман и Мюллер — да они просто друзья, такая тесная компания, в которой постоянно происходят разные умильные события. Фильм показывает, что за образами врагов скрываются простые люди.

— И весьма циничные. Единственный «нацистский» персонаж в этом фильме — Тихонов. Потому что он фанатичен. А остальные говорят «да ладно вам!».

— «Да ладно вам» — эта фраза сродни юношескому пофигизму. Юношество всегда цинично. Цинизм юношеский тем и отличается от цинизма зрелого, что является защитой, а цинизм взрослый — это, скорее всего, уже диагноз. Именно поэтому из юношеского цинизма еще можно вырваться, потому что в нем подспудно присутствуют романтизм и готовность к самопожертвованию, чего не встречается уже во взрослом цинизме. Главное разочарование — потеря сказки — у меня случилось уже в шестнадцать лет.

— Насколько сознательно вы заигрываете с экстремистскими течениями?

— Мы с ними не заигрываем, просто пытаемся анализировать, где проходит грань между юношеским бунтарством и патриотизмом, между аскетизмом и раздолбайством, между патриотизмом и фашизмом. Я считаю, что патриотические идеи в России — это единственная сила, которая реально изнутри может сплотить общество вокруг его исконных ценностей. Понятно, что страна уже проиграна (на уровне политики), но надо хотя бы остаться людьми...

— А как у тебя строятся отношения с земляками: Настей Полевой, Бутусовым, «Чайфом»?

— С Настей, Егором Белкиным и со Славой Бутусовым мы дружим, периодически выпиваем, ходим друг к другу в гости. С «Чайфом» нас разделяют большие расстояния: они все-таки в Екатеринбурге. Творчество «Наутилуса» много для нас значит. Слава — первый за многие годы артист, именно артист, который пропустил через себя такое количество энергии и боли и выдал их в кристально чистом виде. Я имею в виду альбомы «Разлука» и «Невидимка».

— Духовные искания привели тебя к православию. Как теперь ты относишься к своим песням «Красный петух», «Его там не было»?

Сегодня выходит новая пластинка «Агаты Кристи»

— Эти песни вписываются в период богоискания. Песня «Его там не было» — это скорее боязнь потерять Бога, чем надругательство. Страх надругательства над святыней в виде выставления ее на всеобщее посмеище.

— Может, последовать примеру Константина Кинчева и начать отрезаться от некоторых своих песен?

— Желания такого нет, потому что все песни были написаны в честном поиске.

— Почему не возникло соблазна писать благочестивые правильные песни, ну как те же Кинчев, Чистяков?

— Костю и Чистякова я очень уважаю. Но это не мой путь. Меня тошнит от показного благолепия лиц, торчащих на экране. Меня тошнит, когда кругом кричат о возрождении великой России. Страна-то давно разрушена! Когда я прихожу на Пасху в сельскую церковь, туда съезжаются народ с дач и куча подростков; вместо того чтобы стоять службу, они долго смотрят на меня и вслух рассуждают, взять у меня автограф или нет.

— А ты?

— А я от них отмазываюсь. Я занимаюсь своими делами. Я стою службу. При всем этом мне не до радостных песен.

— Интересно, а что бы ты написал «Вечерней Москве»?

— А почему, собственно, «Вечерняя Москва»? Вы считаете, что закат над Москвой уже наступил? Считаете, что мы уже проиграли наш Третий Рим?

— Почему твои песни слишком мрачные?

— Потому что жизнь слишком веселая.